

Взгляд методиста на: *Сергей Влахов, Нов руско-български речник / Новый русско-болгарский словарь*. Под редакцией *Анны Липовской*. ИК «Парадигма». София, 2004.

Идеи и проблемы словаря

Этот новый словарь имеет старую историю. Для меня она началась в первые дни сентября 1969 года в Москве, на международной конференции преподавателей русского языка и литературы (впоследствии эта конференция стала известной как Первый конгресс МАПРЯЛ). В выступлении болгарского докладчика Сергея Влахова была изложена идея создания русско-болгарского словаря, в который были бы отобраны только слова, семантически непрозрачные для болгарина, т.е. полностью отличающиеся по форме от соответствующих болгарских слов. Идея была обоснована возможностью создания словаря для чтения, функциональный отбор и небольшой объем которого обеспечили бы удобство и быстроту пользования.

Идея показалась мне восхитительной. Действительно, многие исследования близости русской и болгарской лексики показывают, что доля слов, которые затруднили бы болгарина при понимании русского художественного текста, не превышает 40% и вовсе сходит на 20%, что касается публицистики. Составленный только из таких слов, русско-болгарский словарь был бы как минимум вдвое меньше по объему, на поиски слов уходило бы как минимум вдвое меньше времени, в результате чего почти не нарушалась бы непрерывность восприятия текста, что стимулировало бы мотивацию болгар читать на русском языке. **Применение этого принципа мультиплицировало бы эффект оптимизации чтения** по отношению ко всем близким в лексическом отношении языкам. Как просто! И почему до сих пор никто не догадался создать такой словарь?

Ответ на этот вопрос содержался в дальнейшем изложении С. Влахова на упомянутой конференции. Прежде всего докладчик остановился на отсутствии критериев установления степени близости русских и болгарских слов – правда, объективно существующей, но в принципе преодолимой трудности. Гораздо сильнее охладило мой энтузиазм второе соображение докладчика. Речь шла о неизбежном нарушении лексической системы языка, об опасности ее одностороннего представления в словаре, основанном на такой дифференциации слов. Понимая основательность такого опасения, я все-таки восприняла это соображение как отступление от смелой новаторской идеи и перестала надеяться – до той минуты, когда, год спустя, в 1970 году, взяла в руки только что вышедший в свет "Малък руско-български речник" (Малый русско-болгарский словарь), объемом в 20000 слов. Более чем скромное название не привлекло бы моего внимания, если бы не имя автора, которое воскресило надежду увидеть "старую" заманчивую идею все-таки реализованной.

Идея и в самом деле была реализована, но не только. Было найдено решение тех проблем, которые казались почти непреодолимыми. Был создан новый тип двуязычного словаря. Последовало новое издание (1979 г.), а в 2004 г. 50 000 заглавных слов составили основу Нового русско-болгарского словаря. О нем и речь.

Словарь как справочник пользователя читающего

Новым этот словарь назван на основании своих качественных характеристик, унаследованных от Малого словаря и развитых далее. Был найден способ применить стержневую идею словаря – дифференциацию русских слов по отношению к болгарским, – не исказив соотношения близкой и неблизкой в обоих языках лексики и в конечном итоге никак не нарушив лексическую систему русского языка, а тем самым и болгарского. Был создан поистине оптимальный справочник.

Быстрота нахождения слова при чтении обеспечивается *макроструктурой* словаря. Каждая страница "срезана" на две неравные части, отделенные горизонтальной линией. В *верхней части* страницы находится дифференциальная лексика, т.е. слова, полностью или в какой-то степени отличающиеся по форме от соответствующих болгарских слов, а значит – семантически непрозрачные для потребителя в его качестве читателя русского текста и нуждающиеся в семантизации, в данном случае через перевод на болгарский язык. Близкая же (по форме и значению) лексика, т.е. слова, понятные болгарину без перевода, "изъята" из верхней части страницы и расположена в *ее нижней части*, под чертой, тоже в алфавитном порядке. Если на двух страницах, ограниченных колоннитулами, не оказалось ни одного близкого или одинакового слова, эти страницы остаются гомогенными, т.е. имеют классический вид, без разделяющей поперечной линии (напр. с. 116-117), на других страницах под чертой может быть только одно или несколько слов (напр. с. 120-121). В большинстве же случаев нижняя часть страницы преобладает над верхней по количеству слов (напр. с. 560-561), хотя занимает меньше места. Этот парадокс объясняется *микроструктурой* словаря.

Стержневая идея о делении словника на близкую и дифференциальную лексику (по терминологии, принятой в методике) породила соответственно и новую интерпретацию словарных статей.

В *верхней части* страницы словарные статьи имеют все основные характеристики двуязычного словаря: левую (русскую) часть с информацией о лексических, грамматических, а при необходимости и стилевых особенностях, с ударением и необходимыми транскрибированными фонетическими особенностями и правую (болгарскую) часть, которая содержит болгарский коррелят или толкование каждого значения заглавного слова, возможные синонимы коррелята и иллюстративные примеры. О примерах стоит сказать отдельно.

При полном отказе от цитат (за исключением пословиц, поговорок и т.п.) в словарной статье представлены преимущественно конструктивные примеры:

бред... 1. Бълнуване; *больной в бреду* болният бълнува. 2. (*прен. разг.*) Дивотии, безсмислено бръщолевене, налудничави приказки... || **Бред сивой кобылы** (*прост.*) дрън, дрън, ярина; бабини деветини; врели-некипели.

Конструктивные примеры не только дают представление о функционировании слова в устном или письменном тексте, но и соотносятся с тем иллюстративным материалом, который автор условно называет "потенциальными примерами". Это болгарские слова, данные в круглых скобках и, по словам автора (стр. 9), "дополняющие, уточняющие, суживающие или расширяющие основное значение", как, впрочем, и связанную с ним лексическую и синтаксическую сочетаемость, например:

надеть... *что...* облека (дреха; НЕ дете, *срв. одеть*)

одеть... *кого...* облека (детето с палто *или* на детето палто, *срв. надеть*)

длинный... дълъг (път, ден; *спец.* вълни; *прен.* език)

долгий... дълъг (разлъка, ден; *ез.* гласни; продолжителен (мълчание). *Вж.*

длинный

Потенциальные примеры можно найти и в более ранних русско-болгарских словарях, созданных С. Влаховым или при его участии. Здесь впервые этот подход проведен с исключительной последовательностью. Как видно, целью потенциальных примеров является адекватное понимание значения слова, т.е. это забота о потребителе как о человеке читающем. Но не только.

Словарь как справочник пользователя говорящего и пишущего

Отсылка к слову (**одеть**), которое, вместе с заглавным словом (**надеть**), дополняет более широкое значение болгарского слова (**облека**), ориентирует пользователя на выбор дополнения при продукции речи – говорении или письме.

Вместе с исчерпывающей информацией о слове, о которой было сказано выше, словарная статья в верхней части страницы приобретает все характеристики большого учебного словаря, одинаково пригодного для пользования при рецепции и продукции речи. С той немаловажной разницей, что при чтении поиск слова происходит быстрее, так как ограничивается верхней частью страницы.

Обобщим: словарную статью в верхней части страницы имеют только слова, отличающиеся по форме от своих болгарских коррелятов (**карандаш**), а также русско-болгарские омонимы (**стол**), обнаруживающие формальную близость с соответствующими болгарскими словами при разных значениях:

карандаш... Молив (черен, цветни; химически; също за боядисване, гримиране и др.)

стол... 1. Маса (НЕ стол, *срв.* стул)...

К верхней части страницы потребитель будет обращаться как за значением непонятого при чтении слова, так и за уточнением свойств того слова, которое он собирается написать или сказать в контексте, будь эти свойства порождены системой языка или языковой нормой, в плане русского языка или в сопоставлении с болгарским (разница в лексической или грамматической сочетаемости и т.д.).

Эти свойства, знание которых необходимо для активного употребления слова, пользователь найдет и в нижней части страницы, где расположена семантически прозрачная лексика. На первый взгляд это просто список слов без перевода или толкования. Тем не менее мы имеем основание говорить о словарной статье, хотя и уместившейся, как правило, в одну строку:

лиша/ть(ся), -ю(сь), -ешь(ся) (*В.*), (*Р.*) *несв.*

разноязычный (население; текстове)

Так, на основании этих двух словарных статей, потребитель узнает:

- орфографию и место ударения заглавных слов;
- спряжение и вид глагола, управление переходного глагола (**лишать**), управление возвратного глагола (**лишаться**) без предлога, в отличие от соответствующего болгарского глагола, который требует предлога – лишавам се *от*;
- типичную лексическую сочетаемость прилагательного (**разноязычный**), подсказанную потенциальными примерами, правда, в данном случае аналогичную с сочетаемостью соответствующего болгарского прилагательного, но ведь аналогия тоже требует подтверждения, так как ее ожидание, как известно, не всегда оправдывается [см. Гочева 1999].

Теперь можно по-новому оценить смысл сохранения "понятных" слов в словаре дифференциального типа. Что это сохранение дает? "Только" ли полноту лексической системы? Немного нужно, чтобы установить: респект к системе не является самоцелью, он великолепно сопряжен с прагматизмом лексикографа, убежденного в том, что система существует не сама по себе, но ради своих функций.

Итак: вы хотите узнать русский эквивалент слова, которое собираетесь употребить? Существует большая вероятность, что это слово будет близким или одинаковым по своей графике с болгарским словом. Поэтому загляните сначала в нижнюю часть страницы на соответствующую букву. Нашли? Тогда обратите внимание на характеристики слова, приведенные в словарной статье: род, число, падеж, которым слово управляет и т.д. Так вы не только будете знать, какое слово употребить, но и избежите возможности ошибок в грамматике слова или в его сочетаемости – синтаксической или лексической. Не нашли искомого слова в нижней части страницы? По всей вероятности, это означает, что оно не относится к близкой лексике и вам следует обратиться к другому источнику информации – учителю или болгарско-русскому словарю.

Обобщим: в то время как дифференциальность оптимизирует процесс чтения, наличие в словаре близких слов обеспечивает полноту лексической системы при продуцировании речи. Остается сказать, как в словаре решена проблема о критериях степени близости. Хотя этот вопрос не затрагивается в предисловии, можно установить два принципа его решения: это традиция опираться на языковое чутье и опыт лексикографа-билингва и предельная требовательность к признанию близости как в отношении формы слова, так и при сопоставлении семантической структуры близких слов, т.е. при малейшем допущении сомнения в семантической прозрачности слова оно относится к дифференциальной лексике и описывается в верхней части страницы. Ответственность за такое решение, как и за тщательность обработки слов, разделила с автором его требовательный единомышленник Анна Липовска, под редакцией которой выходит Новый русско-болгарский словарь.

Словарь как источник идей для обучения лексике

Проблематика создания словаря дала толчок возможному решению методической проблемы: что делать с многочисленной близкой лексикой при обучении болгар русскому языку. По традиции этой лексике уделяется внимание только в том случае, если слово имеет какие-нибудь особенности при функционировании в речи.

Во всех остальных случаях как учитель, так и учащиеся, рассчитывают на легкое и быстрое запоминание "похожего" и "одинакового". Очень скоро пренебрежение этой проблемой дает о себе знать. Удельный вес этой лексики в языке слишком большой, чтобы все слова запоминались только на основании мимолетной встречи в тексте, даже неоднократной. В результате близость либо переоценивается и в русской речи болгар появляются болгаризмы (явная интерференция), либо недооценивается и болгары из-за неуверенности воздерживаются от употребления многих "общих" для обоих языков слов (скрытая интерференция), их речь становится более чистой, но менее точной, а значит – и менее информативной.

Наша попытка [Гочева 1993] сосредоточить внимание учащихся на близкой лексике была связана с заданиями классифицировать слова (в том числе близкие или только близкие) по разным признакам, т.е. с превращением тренировочных упражнений, как правило неинтересных, в проблемные задания, мотивирующие учеников. Проблематика словаря позволила пойти дальше – организовать лексическую работу на базе лексикографического проекта. В учебнике семиклассники знакомятся с идеей создания дифференциального словаря для чтения и, на базе предложенного в учебнике списка близких слов, которые встречались до этого момента в учебном процессе, убеждаются в трудности реализации этой идеи. Каждый ученик сам должен решить, какие из слов этого списка понятны без перевода и поэтому их можно "выбросить" из словаря для чтения. Результаты у разных учеников бывают каждый раз разными – одно и то же слово оказывается то узнаваемым, то нет. И как только ученики

убеждаются в трудности, почти невозможности создания такого словаря, они открывают в учебнике страничку, смоделированную (опять же на материале изученных слов) по образцу словаря С. Влахова и узнают, как автору удалось решить эту проблему. Следующие задания урока уводят учеников дальше в мир лексикографических поисков и находок, а как побочный эффект имеют непроизвольное усвоение близких слов, на материале которых моделировалась в классе исследовательская деятельность. И не только.

Лексикография и обучение

Идеи Нового русско-болгарского словаря, трансформированные в разные виды обучающей деятельности, породили интерес к возможностям лексикографического подхода при обучении. Эти возможности были апробированы в учебниках русского языка для болгарской школы в серии повторительных лексических уроков под названием "Твой друг словарь". Опора на принципы разных видов словарей оказалась поразительно плодотворной для вовлечения учащихся в обучение, которое они воспринимают в неожиданном и удивляющем их ракурсе. Так, например, они превращают болгарско-русский словарик, предложенный учебником (опять же из изученных слов) в русско-болгарский, для чего приходится сделать картотеку, превратить ее в список и т. д. На материале другого списка, предложенного в учебнике, учащиеся узнают, что такое обратный словарь, сопоставляют его со списком тех же слов в обычном алфавитном порядке, объясняют место одного или другого слова в двух параллельных списках, а предлагаемые задания приводят их к выводу о том, что "в конце слова скрыта его грамматика", дописывают стихи, пользуясь небольшими списками, построенными по принципу обратного словаря... Учатся замечать, как много информации можно извлечь из маленькой статьи толкового словаря (на материале изученных слов), далее убеждаются в том, что кроссворд – это просто "толковый словарь наоборот" (так как исходим из толкования, чтобы назвать слово), решают кроссворды на базе заданных толкований, сами составляют кроссворды, задавая условия в виде составленных всем классом элементарных толкований... Повторяют изученные слова, решая, какие из них годятся для включения в картинный словарь (вспоминая, как побочный результат, значение слов), сами составляют картинный словарь, записывая эти слова в отдельной тетради, изображая их значения, а также вписывая слова и на западном языке, который они изучают... И так далее – список типов словарей открыт. А компьютеризация школ позволяет превращать задания подобного типа в компьютерные игры, и увлечение лексикографической деятельностью приобретает новые возможности. Вряд ли нужно объяснять, что при этом нет необходимости снабжать каждого ученика словарем – т.е. что речь идет не о работе со словарями, а о моделировании лексикографической деятельности, в которой ученик оказывается то пользователем словаря, то "лексикографом", проникая в неожиданно захватывающий мир серьезных проблем и их прикладной значимости. Лексика при этом усваивается с легкостью, которая еще больше стимулирует изучение языка.

Лексикографический подход в обучении расширяет предмет научных поисков и достижений методики [Гочева 2000], порожденных в результате идей С. Влахова и их оригинальной практической реализации. Поэтому выход в свет Нового русско-болгарского словаря я считаю выдающимся событием, и не только для лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Влахов 1970 – *Влахов С.* Малък руско-български речник. С., 1970.
- Гочева 1999 – *Гочева Е.* Лексически минимум. Активный словарь русского языка. С., 1999.
- Гочева 2000 – *Гочева Е.* Чуждоезиково обучение. Теория и практика на учебника. С., 2000.
- Гочева и др. 1993 – *Гочева Э., Андреева С., Сосенко Э., Катаева М., Чернявская Т.* Русский язык для 7 класса. С., 1993.

проф. д-н Эмилия Гочева